

А.М. Эткинд

ОБЩЕСТВЕННАЯ АТМОСФЕРА И ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПУТЬ УЧЕНОГО: ОПЫТ ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ 20-х ГОДОВ

Множество факторов влияют на индивидуальный путь ученого: научная школа и личные взаимоотношения с учителями, «оппонентный круг» и перипетии научной карьеры, изменение парадигм в широком научном сообществе и отношения в первичном научном коллективе, личные пристрастия и общественная атмосфера. Процесс становления творческой индивидуальности загадочен почти во всех этих составляющих. Констатация влияния атмосферы эпохи на научное творчество является, пожалуй, одной из самых тривиальных. Конкретное исследование взаимодействий социальных факторов с самим содержанием науки далеко не всегда, однако, оказывается возможным.

Эти взаимодействия представляются более ясными и доступными для исследования в такие эпохи, когда доминирующие в обществе настроения приобретают столь необычный и экстремальный характер, как это произошло, например, в советском обществе 20-х гг. Для науки этих лет характерна прагматическая или даже утилитарная направленность, которая резко изменяет нормальное развитие науки. Формируется множество прикладных отраслей науки и новые области практического ее использования. В гуманитарной области это педология, психотехника, педагогика.

Для тех социальных групп, из которых новая наука, как тогда говорили, набирала свой «кадр», было характерно прежде всего восторженное принятие новой власти. В.М. Бехтерев, немало сделавший для подобного перелома настроений интеллигенции, говорил в конце 1923 г. на Всесоюзном съезде научных работников: «Еще в 1920 году, после моих публичных выступлений в пользу Советской власти, мне товарищи по науке проходу не давали, считали изменником, предателем. Сейчас же в ученом кругу считается даже странным не признавать огромных успехов и исторической мудрости Октябрьской революции» [1].

И.П. Павлов относился к происходящему иначе. В начале 1924 г. разворачивается любопытная дискуссия между И.П. Павловым, высказавшим спокойное, но очень глубокое недоверие большевикам, и Н.И. Бухариным, ответившим И.П. Павлову в двух объемистых,

не поместившихся в одном номере «Красной нови» статьях (цит. по [4]). И.П. Павлов говорил о том, что, как ни думай, невозможно понять, на каком основании большевики так уверены в скорой победе мировой революции; о том, что «сейчас на что-нибудь даются огромные деньги, например, на Японию, в расчете на мировую революцию, а рядом с этим наша академическая лаборатория получает три рубля золотом в месяц»; и, наконец, о том, что «люди вообразили, что они, несмотря на заявление о своем невежестве, могут переделать все образование нынешнее». Ученому непонятно, как высокие цели, которые ставят большевики, могут быть достигнуты рабочими, невежество которых очевидно даже самим большевикам.

Н.И. Бухарин отвечает темпераментно и тоже — в самую суть: «Переделаем — так, как нам нужно, обязательно переделаем! Так же переделаем, как переделали самих себя, как переделали государство, как переделали армию, как переделываем хозяйство, как переделали «рассейскую» «Федорушку-Варварушку» в активную, волевою, быстро растущую, жадную до жизни народную массу».

Наука большевикам нужна, и по отношению к И.П. Павлову, к примеру, Н.И. Бухарин не призывает к наказанию за ошибки. Но и наука нужна переделанная, новая, такая, которая сможет обосновать и помочь осуществить переделку небывалого масштаба. «Обычная ошибка очень крупных людей (в первую очередь ученых) «старого мира» состоит... в том, что при оценке катастрофы всего старого уклада они тщетно тшчатся приложить масштабы... спокойного, «нормального», капиталистического бытия. Это все равно что Гулливеру натягивать штанишки младенца-лилипута». Есть новая наука Гулливеров — и павловская наука лилипутов. «Нужно знать, что в нашу эпоху необходимо выбирать критерии не совсем обычного или, вернее, совсем не обычного типа».

Педология — наука о развитии ребенка и возможностях влияния на него — претендует в это время на место лидера в науках о человеке. «Старые» науки исчезают, сжимаются под натиском новых наук или в лучшем случае переходят на их территорию; так, под флагом педологии успешно развивались одно время исследования психологов, антропологов, социологов. Нормальная наука (Т. Кун) говорит о том, каковы явления или люди сами по себе, а власти нужно описание того, какими они могут стать благодаря ее вмешательству. В конце концов вместо наук о сущем появятся «учения» о должном — неповторимая смесь народных суеверий, хозяйственных навыков, утопических мечтаний и особых, вызывающих почтение слов, бывших раньше терминами нормальной науки. В прикладной гуманитарной науке этот тоталитарный цикл был пройден столь же полно, как и в генетике, и в экономике. Лучшей иллюстрацией является революционный переход от психологии к педологии в 20-х годах, от педологии — к педагогике в 30-х. Педология и тесно связанная с ней психотехника занимают здесь промежуточное положение.

Новая наука о человеке — это и есть наука его переделки. Вопрос «что это?» отныне и надолго вперед заменяется вопросом

«как это переделать?». Все внутреннее, стабильное, недоступное влиянию извне объявляется несуществующим или отжившим, неважным, лилипутским; главным и единственно важным признается процесс развития под влиянием внешних условий. В речи на I Педологическом съезде Н.И. Бухарин говорил: «Вопрос о социальной среде и влиянии социальной среды мы должны решить в таком смысле, что влияние социальной среды играет большую роль, чем это обычно предполагается, изменения могут совершаться гораздо быстрее, и та глубокая реорганизация, которую мы называем культурной революцией, имеет свой социально-биологический эквивалент вплоть до физиологической природы организма» [5]. В этом нет ничего методологически специфичного, это лишь распространение на проблемы педологии всеобщего принципа «нет таких крепостей, которые не могут взять большевики»: в природе и обществе, в ребенке и его развитии нет ничего такого, на что нельзя влиять извне; переделать можно все, вплоть до физиологической природы организма. В этом принципиальном пункте достигнут консенсус: партийному лидеру вторит на I Педологическом съезде нарком здравоохранения Н.А. Семашко: «Внимание к влиянию внешней среды отличает сейчас развитие общепедологических наук и медицинских наук в том числе». Об этом же говорит и Н.К. Крупская: «В недооценке влияния внешней среды кое-кто видит противоядие против все глубже внедряющегося в школу марксизма» [5]. Все глубже внедряющийся в школу марксизм состоит в признании все глубже внедряющейся в человека внешней среды; недооценивать влияние среды — значит выступать против марксизма. Сюда, к 1927 г., восходит будущая судьба генетики, экономики, всей советской науки, оказавшейся уже тогда перед выбором — либо уйти в небытие, либо обещать взять любую крепость, переделать любую сущность.

Но, к сожалению, выразительнее всех сказал тогда нарком просвещения А.В. Луначарский: «Педология, изучив, что такое ребенок, по каким законам он развивается, ... тем самым осветит перед нами самый важный... процесс производства нового человека параллельно с производством нового оборудования, которое идет по хозяйственной линии» [5]. В новом мире говорить это стало обычным и никого не удивляющим: съезд, открывшийся на следующий день после внезапной смерти В.М. Бехтерева, вряд ли был для А.В. Луначарского местом, где он мог позволить себе рискованную метафору.

За несколько лет до этого П.П. Блонский мог написать и такое: «Наряду с растениеводством и животноводством должна существовать однородная с ними наука — человеководство, и педагогика... должна занять свое место рядом с зоотехникой и фитотехникой, заимствуя от последних, как более разработанных родственных наук, свои методы и принципы» [2]. Этот абсолютно серьезный текст был стержнем обычного учебника педагогики, на котором росло, возможно, не одно поколение учителей. Н.И. Бухарин выражался еще более определенно: «Нам сейчас свои силы нужно устремлять не в общую «болтологию», а на то, чтобы в кратчайший срок произвести

определенное количество живых рабочих, квалифицированных, специально вышколенных машин, которые можно было бы сейчас завести и пустить в общий оборот» [5].

Духовный и политический тупик, в котором очутились люди, делавшие революцию, переживался и выражался ими по-разному. Н.К. Крупская публикует в 1923 г. сочувственное описание системы Тейлора, предлагая ее (разделение труда на простейшие элементы, точное определение функций каждого работника, желательно в письменном виде, и прочее) в качестве средств борьбы с бюрократизмом советских учреждений [13]. Н.И. Бухарин посвящает десятки страниц журнального текста [3] издевательству над неким Енчменом, предлагавшим себя в руководители «Ревнауцсовета Республики», а то и «мировой коммуны с соответствующими подчиненными органами на всем пространстве республики или земного шара». Этот сумасшедший писал, что «опередил на несколько лет восставшие трудовые массы производством органического катаклизма в самом себе» [10]. Познание, разум, мировоззрение объявлялись эксплуататорским обманом; вслед за низвержением эксплуататоров начнется массовое ослабление, а затем уничтожение «реакций познания», и в то же время массовая победа «единой системы организованных движений». Если верить самому Енчмену, его поддерживали М.Н. Покровский и К.А. Тимирязев. Все его оппоненты, включая Бухарина, сходились в том, что не стали бы спорить, если бы идеи «теории новой биологии» не пользовались поддержкой молодых коммунистов.

Но это все споры милых, культурных людей. Только что отвоёвавшим партийцам был, наверное, куда понятнее манифест некоего М. Левидова, опубликованный в 1923 г. той же «Красной новью», в которой печатались Н.И. Бухарин и А.В. Луначарский: «Уже начинается процесс организованного упрощения культуры. Уже исчезло из обихода молодого поколения это проклятое слово «интеллигент», это бескостное, мяكلое, унылое, мокрокурицыное слово, подобного которому не найти ни в одном человеческом языке... Через 20—30 лет исчезнет племя интеллигентов с земли русской». Достойный путь для интеллигента, пишет прямым текстом М. Левидов — покончить с собой; недостойный путь — эмиграция; но самый отвратительный ему интеллигент — тот, который остался жить в Советской России [14; С. 318].

Поэтические эмоции М. Левидова вполне соответствовали прозе дня. В 1923 г. на обучение одного студента тратилось в 8—1.0 раз меньше, чем в 1914-м; средняя зарплата сельских учителей составляла 17% от их зарплаты в 1914 г. В целом расходы на образование в расчете на душу населения были в четыре раза ниже. «А ведь в отношении народного просвещения довоенное положение вовсе не является нашим идеалом», — меланхолично напоминает приведший эти цифры чиновник Наркомпроса [18].

52% детей школьного возраста находились в 1923 г. вне школ и других детских учреждений: 4 млн. детей не получали никакого образования. Лишь 32% населения страны было грамотным. Перед

Наркомпросом были поставлены колоссальные задачи всеобща и ликвидации безграмотности.

На I Всероссийском психоневрологическом съезде, состоявшемся в Москве в январе 1923 г., его участник П.О. Эфрусси была удивлена размахом и популярностью работы практических психологов — педологов и психотехников: «Переоценка значения психологии для жизни произошла на наших глазах с неожиданной быстротой» [22].

Сегодня это удивляет не меньше. Откуда брались средства на столь бурную интеллектуальную деятельность в нищей и невежественной стране?

Нам трудно уже понять те надежды, которые возлагало на педологию новое руководство страны. К науке вообще относились как к могучей магической силе, которая может кратчайшим образом решить проблемы. А.В. Луначарский, ведомство которого не справлялось и еще многие десятилетия после него не будет справляться даже с малой долей возложенных на него задач, заявлял на I Педологическом съезде, что «наша школьная сеть может приблизиться к действительно нормальной школьной сети в социалистическом... государстве, когда она будет насквозь проникнута сетью достаточно научно подготовленных педологов... Надо еще, чтобы в каждом учителе, в мозгу каждого учителя жил, может быть, маленький, но достаточно крепкий педолог» [5].

Чтобы построить царство разума в стране, 70% населения которой не умело ни читать, ни писать, ни понимать то, что говорилось с трибун, надо было создать новую интеллектуальную элиту. Или хотя бы не мешать тем тысячам молодых людей, обуреваемых абстрактными идеями, которые хотели немедленно внести свой вклад в строительство утопии. Количество педвузов в стране только за 1919/1920 учебный год возросло в полтора раза; все равно они были переполнены: в 1921 г. в них училось в шесть раз больше студентов, чем в 1914-м [18]. О настроениях этой молодежи можно судить по воспоминаниям А.Р. Лурия: «Я помню годы — 1918-й, 1919-й, 1920-й, когда я, совсем молодой парень, стал заниматься чем угодно. Меня интересовали общественные науки, и я живо интересовался вопросами развития социальных учений и утопического социализма» [15]. Дело было в Казани, и А.Р. Лурия поступил на юридический факультет, который вскоре переименовали в факультет общественных наук, и бывший профессор церковного права читал в нем социологию. В конце концов 19-летний А.Р. Лурия образовал психоаналитический кружок и вступил в переписку с самим З. Фрейдом, который был чуть ли не польщен тем, что в столь далекой Казани появились его коллеги. Путь А.Р. Лурия — от утопического социализма через психоанализ к более или менее профессиональным, в зависимости от способностей, занятиям педолого-психотехнического плана — прошли многие его современники.

В 1922 г. в Москве работали следующие педологические вузы: Высшие педологические курсы, Психологические научно-исследовательские курсы, Высшие научно-педагогические курсы, Центральный

институт организаторов народного образования, Академия социального воспитания, Пединститут детской дефективности. Педагогов учили еще в четырех пединститутах и девяти педтехникумах. Работали также научно-исследовательские центры: Психологический институт при 1-м МГУ (руководитель — Г.И. Челпапов), Центральный педологический институт (Н.А. Рыбников), Государственный московский психоневрологический институт (А.П. Нечаев), Государственный медико-педологический институт Наркомздрава (М.О. Гуревич), Лаборатория экспериментальной психологии и детской психоневрологии при Неврологическом институте 1-го МГУ (Г.И. Россолимо), Медико-педагогическая клиника (В.П. Кащенко), Центральная психологическая лаборатория вспомогательных школ (П.П. Соколов), Опытная психологическая лаборатория при Академии Генштаба (Т.Е. Сегалов), Центральный институт труда ВЦСПС (А.П. Гастев), Лаборатория промышленной психотехники Наркомтруда (И.Н. Шпильрейн), Центральный гуманитарно-педагогический институт (В.Н. Шульгин), Музей дошкольного воспитания (Е.А. Аркин) и даже Институт социальной психологии (Р.Ю. Виппер) [16]. Педологией занимаются два наркомата — просвещения и здравоохранения. Свою педологическую службу разворачивает Наркомпуть, а потом и промышленные наркоматы. Психотехникой занимается Наркомтруд и ВЦСПС.

Профессиональное сообщество самоорганизуется, идет естественный процесс формирования коллективных субъектов научной деятельности — обществ, ассоциаций. В 1923 г. в Москве существовали Общество экспериментальной психологии (председатель — А.П. Нечаев), Психологическое общество (И.А. Ильин), Психоаналитическое общество (И.Д. Ермаков). В мае 1927 г. учреждается Московское тестологическое объединение под председательством П.П. Блонского. В ноябре того же года регистрируется Всероссийское психотехническое общество (председатель И.Н. Шпильрейн) [16]. В апреле 1927 г. проводится I Всесоюзное педологическое совещание, к концу года Педологическое общество проводит свой первый съезд.

Это научное движение развивалось в большей степени снизу, чем сверху. Готовясь к съезду, директор Центрального педологического института Н.А. Рыбников пытался провести обследование родственных учреждений страны. То, что и он оказался удивлен размахом педологического движения, лучше всего показывает, что оно действительно было результатом творчества на местах. «Сеть педологических учреждений оказалась исключительно обширной — значительно больше той, какой она представлялась нам, когда мы приступили к нашему обследованию». Н.А. Рыбников рассказывает о специализированных педологических учреждениях в Рязани, Ташкенте, Орле, Сарапуле Уральской области и других местах.

У нас нет сведений о том, сколько таких лабораторий и кабинетов было развернуто по стране. Однако в Москве, согласно докладу Ф.Г. Виленкиной на конференции московских педологов в 1931 г.,

не было ни одного района, где бы ни проводилась педологическая работа. Кроме того, педологические кабинеты были во многих школах. В Ленинском районе было 18 педологов, в Краснопресненском — 19 и т.д. Тем не менее педологов, по мнению Ф.Г. Виленкиной, не хватало: в некоторых районах приходилось 1500 детей на одного педолога [12]. Это положение Ф.Г. Виленкина характеризует как плачевное.

Организатором и общепризнанным лидером советской педологии был Арон Борисович Залкинд (1888—1936). Его путь в науке практически забыт сегодня, но представляет, на наш взгляд, большой интерес. В этом длинном и извилистом пути выявились многие черты, свойственные ученым 20—30-х годов: их подготовка в рамках серьезной науки и глубокая связь с ней, их искренняя вовлеченность в чарующую атмосферу социальных преобразований, далеко идущая готовность поставить свою науку на службу власти и трагическое непонимание складывающейся в стране реальности.

Перед первой мировой войной Залкинд, молодой московский врач, уже печатался в центральном органе русских психоаналитиков «Психотерапия» [7]. Его интересовала теория неврозов и сомнамбулизма, и в анализе он тяготеет к А. Адлеру. Статьи публиковались в весьма почетном окружении, в них чувствовался увлеченный и уже преуспевающий психоаналитик. На Западе, пишет А.Б. Залкинд, к психоанализу зачастую относятся с презрением, «к счастью, у нас в России дело обстоит гораздо лучше».

А.Б. Залкинд с восторгом принял революцию. Консультируя партийцев («Список медицинских врачей» 1925 г. квалифицирует его специальность как «психопатологию»), А.Б. Залкинд убеждается в неэффективности аналитического подхода к этому контингенту. Очень быстро он вырабатывает новый, до предела идеологизированный взгляд на проблемы душевного здоровья и болезни. В опубликованных в середине 20-х годов статьях и книге «Очерки культуры революционного времени» Залкинд описывает интересную и, кажется, никем более не зафиксированную ситуацию. Партактив, на котором лежит нагрузка революционного строительства, быстро и резко изнашивается. 30-летний человек носит в себе болезни 45-летнего, 40-летний — почти старик. Причины А.Б. Залкинд видит в постоянном нервном возбуждении, перегрузке, культурном отставании и профнесоответствии отдельных работников, в нарушениях гигиенических норм. До 90% пациентов-большевиков страдают неврологическими симптомами, почти у всех гипертония и вялый обмен веществ. Этот симптомокомплекс А.Б. Залкинд называет даже «парттриадой». В статье «О язвах РКП» А.Б. Залкинд сопровождает клиническую картину умелым социально-политическим анализом, кое в чем напоминающим формулировки «Письма к съезду» В.И. Ленина.

Психоаналитическое ли прошлое, другие ли факторы сыграли в этом определяющую роль, но большое значение в гигиене партработы А.Б. Залкинд придает половому вопросу. По этому поводу он разрабатывает детальную систему — «двенадцать заповедей»

партийца. Их общий смысл в том, что энергия пролетариата не должна отвлекаться на бесполезные для него исторической миссии половые связи. «Половое должно во всем подчиняться классовому, ничем последнему не мешая, во всем его обслуживая». Поэтому до брака, а именно до 20—25 лет, необходимо половое воздержание; половой акт не должен повторяться слишком часто; поменьше полового разнообразия; половой подбор должен строиться по линии классовой, революционно-пролетарской целесообразности; не должно быть ревности. Последняя, 12-я, и самая главная заповедь гласила: класс в интересах революционной целесообразности имеет право вмешаться в половую жизнь своих сочленов.

На II Психоневрологическом съезде, состоявшемся в Ленинграде в начале 1924 г., доклады А.Б. Залкинда привлекли всеобщее внимание. Из 906 делегатов съезда лишь 429 были врачами; множество присутствовавших считали себя педагогами-марксистами. Наблюдатель констатировал, что среди педагогов «сдвиг в сторону революционной идеологии совершается гораздо более ускоренным темпом, чем среди прочих слоев интеллигенции, представители которой замкнуты в узком кругу изолированной практики». К этой аудитории, составившей вскоре основную «кадр» педологии, А.Б. Залкинд обратился с невероятно эклектичной программой, которая была с воодушевлением принята. Обозреватель «Красной нови» воспринимал программу А.Б. Залкинда так: «социогенетическая биология в соединении с учением о рефлексам, при осторожном использовании ценнейшего ряда фрейдистских понятий и отдельных его экспериментальных методов сильно обогатят биомарксистскую теорию и практику» [6].

В конце 1927 г. состоялся I Педологический съезд. В своей речи А.Б. Залкинд пытался представить платформу, на которой могли бы консолидироваться все две с половиной тысячи участников съезда, представлявшие несколько разных научных областей и несчетное количество теоретических ориентации. Желаемое было выдано за действительное, съезд одобрил «объединенную платформу» советских педологов.

В апреле 1928 г. начала работать Комиссия по планированию исследовательской работы по педологии в РСФСР при Главнауке Наркомпроса; ее председателем был назначен А.Б. Залкинд. Постановлением Совнаркома от 17 августа 1928 г. ее уровень был повышен до Межведомственной плановой педологической комиссии. В этом же году начинает выходить журнал «Педология» под редакцией А.Б. Залкинда. В 1930 г. А.Б. Залкинд проводит съезд по изучению поведения человека, претендуя уже на роль идеолога всей совокупности наук о человеке. Его доклад на этом съезде заслуживает особого отношения: в педологии и смежных науках «великий перелом» начался с этого доклада.

За 12 лет советской власти, констатирует А.Б. Залкинд [9], в стране вырос новый массовый человек. С колоссальным трудом этот новый массовый человек пробивается через наше образование,

потому что он пущен в творчество без научной системы. Революционная эпоха создала его в кустарном порядке, но побеждает он изумительно. Психоневрологические науки не оказывают никакого содействия новым массам. Между культурной революцией и психоневрологией образовались ножницы. Со стороны авгуров психоневрологии идут даже зловещие предостережения: до массовой работы наука еще не доросла. Руководящие органы нашей партии ведут колоссальную кадровую и воспитательную работу, а наука положительных указаний в этой области не дает. Наоборот, мы слышим даже отрицательные указания, угрозы в адрес массового нового человека. Совершенно очевидно, заключает А.Б. Залкинд, что основная часть всей психоневрологии не делает того, что необходимо для революции.

Трудно судить сегодня, насколько вынужденной была начатая Залкиндом компания. Идеологическая борьба на два фронта к этому времени уже была объявлена, но еще далека от кульминации. По своей агрессивности доклад А.Б. Залкинда, пожалуй, опередил свое время.

В конце 30 г. Психологический институт был преобразован в Институт психологии, педологии и психотехники. А.Б. Залкинд сменил Н.К. Корнилова на посту директора института.

В отличие от «нового массового человека» у А.Б. Залкинда было прошлое, и от него теперь нужно было отречься. Людям этого статуса не было позволено забыть свою биографию и заставить забыть о ней других. Положение позволяло лишь по-новому интерпретировать прошлые ошибки, что не освобождало от страха перед теми, кто имел право дать им собственную трактовку.

Главное пятно в жизненном пути А.Б. Залкинда — «фрейдизм». Его самоанализ в этой части нестандартен и психологически любопытен. Я, говорил А.Б. Залкинд, «объективно способствовал популяризации фрейдизма в СССР в 1923—1925 гг., а по инерции и позже. Но я вкладывал во фрейдизм свое особенное понимание, которое на самом деле было полным извращением фрейдизма. Однако я продолжал называть свои взгляды фрейдизмом, и это соблазняло малых сих». Я всегда, вспоминает Залкинд, пытался обосновать «чрезвычайную социогенную обусловленность, пластичность человека и человеческого поведения», отстаивать понимание личности как «активного, боевого, творческого начала». Но в старой, реакционной психоневрологии и психологии А.Б. Залкинд этого не находил. «Накнувшись в 1910—1911 гг. на Фрейда, я, казалось мне, отыскал наконец клад. В самом деле, фрейдовская личность горит, борется, динамична, отбирает, проводит упорную стратегию, переключает свои целеустремления, свои энергетические запасы и т.д. Одним словом, опустошенное, дряблкое «я» старой психоневрологии Фрейдом наконец выбрасывается вон из науки (так казалось мне тогда)» [9]. А.Б. Залкинду, видимо, можно в этом поверить: именно так воспринимала Фрейда романтически настроенная молодежь в годы его наибольшей популярности в России, и эти чувства даже спустя 20 страшных лет остаются не чужды А.Б. Залкинду. «Я брал у Фрейда новую,

свежую, действенную часть личности в качестве ведущей». Конечно, на деле А.Б. Залкинд и тогда, и тем более теперь весьма далек от фрейдизма, и в общем здесь он тоже субъективно честен: достаточно вспомнить его 12 заповедей половой жизни. Но нормальное для ученого развитие взглядов своих предшественников в соответствии с личными интересами невозможно для А.Б. Залкинда и его окружения. Его «самокритика» менее всего похожа на обычные для ученого воспоминания о том, как он думал раньше, как думает теперь, кому и чему он обязан эволюцией своих взглядов. Это и не игра в покаяние. По искренности тона чувствуется, что А.Б. Залкинд относится к тому, что говорит, как к важнейшему для себя действию: от того, поверят ли его раскаянию, зависит его судьба. «Я соблазнил малых сих». «В этом большой вред моей «связи» с фрейдизмом и доля вины за остатки фрейдовской популярности у нас». «Укрепление диктатуры пролетариата вбивает — и навсегда — осинный кол в могилу «советского фрейдизма».

Новая методология объявляет, что «основную (если не всю) массу научных исследований сегодняшнего дня должны составлять исследования краткосрочные, быстро дающие определенные выводы для ближайшего отрезка времени». «Мы становимся из рабов научных приемов их хозяевами». Это, торжествует он, «звучит как переворот в так называемой этике научной работы».

Но все было бесполезно. Журнал «Под знаменем марксизма» квалифицирует взгляды А.Б. Залкинда как «меньшевистствующе-идеалистический эклектизм». В 1932 г. А.Б. Залкинд перестает быть директором Института психологии, педологии и психотехники (его, бывшего на этом посту не более года, сменяет В.Н. Колбановский) и главным редактором журнала «Педология». Самому журналу, впрочем, тоже остается жить всего год.

В 1936 г. А.Б. Залкинд умирает от инфаркта, ознакомившись с постановлением ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» [21].

Несколько иную стратегию поведения в реальной социальной среде избрал И.Н. Шпильрейн (1891—1937?) — признанный лидер психотехнического движения в СССР. Сын ростовского торговца, И.Н. Шпильрейн учился в Германии и получил философское образование под руководством Г. Когена (примерно в то же время у Г. Когена учились Б.Л. Пастернак и С.Л. Рубинштейн). Во время Первой мировой войны И.Н. Шпильрейн с женой были интернированы, но после революции кружным путем, через Константинополь, добрались до Тбилиси. Здесь, в меньшевистской Грузии, И.Н. Шпильрейн получил работу в советском полпредстве, главой которого был С.М. Киров. В 1921 г. И.Н. Шпильрейн добрался до Москвы. Здесь он работал в пресс-бюро Наркомата иностранных дел, а потом — в Центральном институте труда. Директор ЦИТа А.К. Гастев в начале 20-х годов развивал крайне левые взгляды, представление о которых может дать такой случай. В 1921 г. умерла мать И.Н. Шпильрейна. Он пошел к директору института просить отгул, чтобы хоронить мать.

А.К. Гастев сказал: «Это буржуазные предрассудки. Зачем вам отгул, ведь она уже умерла?» [21]. Принципы разработанной А.К. Гастевым «научной организации труда» действовали и внутри его института...

Довольно скоро И.Н. Шпильрейн расходится с А.К. Гастевым. В 1923 г. он — руководитель психотехнической секции Института научной философии и лаборатории промышленной психотехники Наркомата труда. И.Н. Шпильрейн ведет в это время множество заказных исследований: разрабатывает профессиограммы, консультирует предприятия по переводу на новые режимы работы, в частности, семичасовой рабочий день, создает методики отбора для Красной армии, занимается профотбором на железнодорожном транспорте и т.д. В теоретическом плане, однако, И.Н. Шпильрейн остается последователем В. Штерна и не боится заявить об этом даже на Съезде по изучению поведения человека в 1930 г.

Круг интересов И.Н. Шпильрейна выходил даже за безмерные, казалось бы, границы психотехники. Его книга «Язык красноармейца» [19] содержит тщательное, в методическом плане до сих пор, вероятно, непревзойденное на русском языке социолингвистическое исследование: грамматический анализ, частотные словари, тщательно отработанные тесты осведомленности, статистика ошибок фиксируют реальный язык красноармейцев 1924 г. В такого рода работах гуманитарная наука выполняет свою, может быть, важнейшую функцию — запечатление реальности, описание ее такой, какая она есть. Подобное же впечатление осмысленности и редкой точности оставляет «социально-психологический этюд» 1929 г. «О переменах имен и фамилий» [20]. И.Н. Шпильрейну принадлежит и учебник языка идиш.

В 1928 г. И.Н. Шпильрейн становится ответственным редактором нового журнала «Психотехника и психофизиология труда», председателем Всероссийского психотехнического общества. В булгаковской Москве 1931 г. он проводит Международную конференцию по психотехнике. Именно через психотехнику советская психология выходит на мировой уровень; И.Н. Шпильрейн и Г.И. Россолимо были членами президиума Международного психотехнического общества вместе с В. Штерном и А. Пьероном.

I съезд по психотехнике состоялся в Ленинграде в мае 1931 г. Борьба на два фронта развернулась уже в полную силу. Съезд был открыт докладом главного идеолога этой компании Б.М. Митина. Съезду пришлось обличать не только механицизм, который для психотехники был связан с А.К. Гастевым, но и «меньшевистствующий идеализм» И.Н. Шпильрейна. Одна из резолюций съезда гласила: «Руководитель советской психотехники Шпильрейн заимствовал отдельные положения из идеалистической системы персонализма В. Штерна... В докладе на съезде т. Шпильрейн не вскрыл полностью своих ошибок и не разоружился полностью» [17]. Психотехнический съезд в инициативном порядке предложил «призыв» рабочих-ударников на научно-исследовательскую работу в институты.

Идеология «массового нового человека», совершенно чуждая И.Н. Шпильрейну, начинала доминировать и в психотехнике. В СССР в 1930 г. было всего 500 «организованных психотехников». При этом в 1932 г. съезд запланировал провести только через систему профконсультаций Наркомтруда около 3 млн. человек. Были, впрочем, и основания для надежды. 25 июля 1931 г. в Наркомпросе по докладу И.Н. Шпильрейна принимается решение об организации психотехнического вуза...

В октябре 1934 г. вся разветвленная система психотехнических учреждений была разгромлена, приказом Совнаркома были ликвидированы 29 научно-исследовательских институтов, журнал «Психотехника» был закрыт. Вскоре, 25 января 1935 г. И.Н. Шпильрейн был арестован. Его дочь вспоминает: «В 1939 г. мне сказали, что отец осужден на 10 лет без права переписки» [21].

Педология и психотехника попали под идеологический обстрел сразу после разгрома философской школы А.М. Деборина и объявления «борьбы на два фронта». Заседание президиума Комакадемии, подведшее в самом начале 1931 г. черту под «великим переломом» в научной жизни, принимает по докладу О.Ю. Шмидта такую, в частности, резолюцию: «...Важное значение приобретает разоблачение всякого рода псевдомарксистских течений типа корниловщины, бехтеревщины в психологии» [7]. К концу года журнал «Под знаменем марксизма», главным редактором которого вместо А.М. Деборина становится М.Б. Митин, конкретизирует: «В психоневрологических науках не дано достаточно развернутой критики как механистических и идеалистических теорий К.Н. Корнилова в психологии, П.Б. Ганнушкина в психиатрии и невропатологии, П.П. Блонского в педологии... системы идеалистических ошибок т. Шпильрейна, меньшевистски-идеалистического эклектизма т. Залкинда и т.д.».

В эту компанию взаимного самоуничтожения активно включается журнал «Педология». «Если бы эпически настроенные педологи (кстати, очень избегающие страниц нашего журнала! Симптом?) внимательнее вдумались в идеологические дискуссии на педолого-психологическом фронте, они поняли бы, что отрыв их от сегодняшней практики органически связан с марксистской их девственностью», — такую передовую публикует журнал в начале 1931 г. В «меньшинствующем идеализме» обвиняются более всего две неактуальные уже фигуры — К.Н. Корнилов и В.М. Бехтерев. П.П. Блонского, В.В. Басова, Л.С. Выготского, А.Р. Лурию журнал призывает к самокритике. Они, однако, уклоняются от такого сотрудничества. Номера журнала заполняют идеологические проработки, например, статья П. Левентуева «Политические извращения в педологии». И содержательно, и даже терминологически педология сама готовила свой конец.

Ни А.Б. Залкинда, ни его журнал все это не спасло. Скорее, напротив: Залкинд был снят с редакторского поста уже в конце 1931 г., а через год его журнал был ликвидирован. Шпильрейн, почти не включавшийся в споры и очень сдержанно отвечавший на критику в свой адрес, оставался редактором «Психотехники и психофизиологии

труда» еще три года, почти до самого своего ареста, практически совпавшего с закрытием журнала.

Форсированный характер политических изменений прямо влияет на процессы, происходящие в научном сообществе. Это влияние идет не только через репрессии, хотя последние ставят во многих из разворачивающихся сюжетов окончательную и в определенном смысле законченную точку.

Литература

1. *Бехтерев В.М.* Выступление на Всесоюзном съезде научных работников // Правда. 1923. № 272.
2. *Блонский П.П.* Педагогика. М., 1922.
3. *Бухарин Н.И.* Енчменида (к вопросу об идеологическом перерождении) // Красная новь. 1923. Кн. 6.
4. *Бухарин Н.И.* О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем. (Ответ акад. Павлову) // Красная новь. 1924. кн. 1.
5. Выступление на I Педологическом съезде // На путях к новой школе. 1928. № 1.
6. *Даян Г.* Второй психоневрологический съезд // Красная новь. 1924. Кн. 2. С. 155—166.
7. *Залкинд А.Б.* К вопросу о сущности психоневрозов; Он же: Индивидуально-психологический анализ трех случаев сомнамбулизма // Психотерапия. 1913. № 1—4.
8. *Залкинд А.Б.* О язвах РКП // Очерки культуры революционного времени. М., 1924.
9. *Залкинд А.Б.* Дифференцировка на педологическом фронте // Педология. 1931. № 3. С. 7—15.
10. *Енчмен Э.* Восемнадцать тезисов о теории новой биологии. Ростов-на-Дону, 1920; Пятигорск, 1920; Он же: Теория новой биологии и марксизма. Петроград, 1923. Изд. 2.
11. *Кальман Э.* Письмо тов. Сталина и задачи фронта естествознания и медицины // Под знаменем марксизма. 1931. № 9—10.
12. Конференция московских педологов // Педология. 1931. № 4.
13. *Крупская Н.К.* Система Тейлора и организация работы советских учреждений // Красная новь. № 1. 1921. С. 140—146.
14. *Левидов М.* Организованное упрощение культуры // Красная новь. 1923. Кн. 1.
15. *Лурия А.Р.* Пути развития советской психологии (по собственным воспоминаниям): Стенограмма доклада в московском отделении Общества психологов 26 марта 1974 г. // Архив, хранящийся у Е.А. Лурия.
16. Педагогическая Москва: Календарь-справочник за 1923 г. М., 1923.
17. Под знаменем марксизма. 1930. № 10—12.
18. *Ходоровский И.* Основные черты современного состояния народного просвещения в РСФСР // Красная новь. 1923. Кн. 7. С. 137—167.
19. *Шпильрейн И.Н., Рейтынбарг Д.И., Нецкий Г.О.* Язык красноармейца. М.—Л., 1928.
20. *Шпильрейн И.Н.* О перемене имен и фамилий (социально-психологический этюд) // Психотехнике и психофизиология труда. 1929. № 4. С. 281—286.
21. *Шпильрейн И.Н.* Личное сообщение.
22. *Эфрусси П.О.* Успехи психологии в России. Петроград, 1923.